

902.6

Б-20

Ф. БАЛЛОД

**ПРИВОЛЖСКИЕ
ПОМПЕИ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

902.6 (с14)

Б-20

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

Проф. Ф. В. БАЛЛОД

ПРИВОЛЖСКИЕ „ПОМПЕИ“

(Опыт художественно - археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы)

ПРОВЕРЕНО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

БИБЛИОТЕКА
Z 1656

902.6
Б 20

Гиз. № 2779.

Главлит. № 6648. Москва.

Напеч. 3.000 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

Вводная глава.

Через «Великие ворота народов», между Уралом и Каспием проходили с древнейшего времени бесчисленные волны племен, выходили в приволжскую степь, останавливались, поджидая отставших у естественной преграды беззаботному путешествию, у Волги, и, собравшись с силами, переправившись через реку и овладев укрепленными местами на правом ее берегу, катились дальше на запад, в южно-русские степи. Путь этого передвижения ясен: от Урала к Волге, от Волги к Дону и Днепру, он пролегал частью через леса, частью через степь, вдоль степных речек, там, где лошадям и стадам не угрожали в летний зной безводье и жажда. Большой и малый Узень, две Кубы, Горькая, Торгун и Еруслан—вот этот путь; он приводил кочевнические орды к властелину западного Приволжья, к высокой Ураковой горе, в 20 верстах выше Камышина. Здесь волго-донской водораздел наименее значителен, ибо всего лишь в 25 верстах от Волги течет приток Дона, многоводная Иловля; а мелкие речки, притоки Волги (две Ураковки, Дубовка, Терновка, Липовка, Ельшанка, Камышинка и Сестренки), сокращают безводное пространство еще верст на 10 и более. Лучшего пути найти было нельзя. Путь этот, вдобавок, не должны были отыскивать разведчики; на него указывали следы пребывания человека: стоянки с брошенной поломанной посудой и дорожные вехи в виде курганов. Путь этот виден и поныне, ибо цепи курганов устояли на своих местах вопреки работе позднейшего земледельческого населения, буйному степному ветру и все уничтожающей руке времени.

Иногда плоские и размытые, еле приметные повышения почвы, иногда каменные мары, иногда превосходно уцелевшие сопки в виде опрокинутых чаш правильной формы с характерными яминами на вершинах,—вехи черезволжского пути изображают собою и вехи времени, ибо являются памятниками разных культур последовательно сменявших друг друга народностей.

Путь этот был известен и культурным странам античного мира. В эпоху расцвета античных государств греческие и римские торговцы по этой проторенной дороге совершали свои рейсы в обратном на-

правления, на Восток, к народам азиатских степей; тому свидетели: свинцовые торговые пломбы V века до Р. Х., принадлежащие греческим колониям Черноморского побережья, откопанные на Водянском городище, греческие вазы того же времени, найденные крестьянами на том же городище, монеты Ольвии и Пантикапея I столетия до и после Р. Х., найденные на Водянском и Терновском городищах, а также на восточном берегу Волги, римские монеты Веспасиана с Камышинских дюн, Траяна и Адриана, найденные в нескольких экземплярах на восточном берегу от Покровска до Дергачей, и, наконец, монета Константина Великого с Водянского городища.

Для археолога, таким образом, область Нижн. Поволжья представляет особый интерес; задания, которые возможно себе наметить, необычайно разнообразны и велики; задания эти, естественно, не ограничиваются установлением указанного переселенческого и торгового пути и характеристикой приволжской борьбы последовательно сменявших друг друга народов, а касаются и вопроса о распространении той или иной отмеченной на территории Нижн. Поволжья культуры и вопроса о преемственности культур. Ведь необычайно любопытно установить, какие именно археологические памятники принадлежат той или иной группе народностей, и не появляются ли заимствования из более древней культуры у более поздних на территории Нижн. Поволжья народностей и невозможно ли в связи с такими заимствованиями умозаключить о продолжительной борьбе или продолжительном соседстве двух народностей.

Наконец, золотоордынская культура далеко еще не изучена достаточно; памятники ее разрушаются и гибнут на наших глазах. А все это, вместе взятое, представляет богатейший материал для приложения энергии археолога.

В течение трех лет, с 1919 по 1921 год, я имел возможность ознакомиться с указанным материалом, так как мне удалось организовать несколько экспедиций в правобережную приволжскую полосу Ураковка—Царицын, а также обследовать ближайшие к Саратову места. Об этих работах и полученных итогах трактует дальнейшее изложение.

Правда, не было возможности осуществить полностью все задания, которые намечаются, не удалась пока всесторонне обследовать и вопрос о торговых путях, один из наиболее интересных,—но мне кажется, что все-таки материала уже достаточно, чтобы иметь право его подытожить.

Считаю своим долгом здесь отметить, что значительное содействие в деле сбора материала мне оказал Б. В. Зайковский, которому приношу искреннюю благодарность. Часть чертежей исполнены архитектором А. И. Горшениным по моим и Б. В. Зайковского наброскам. Проф. А. А. Захарову, взявшему на себя труд держания корректуры, я особенно обязан, а также проф. М. Н. Покровскому и

проф. В. А. Городцову, без содействия которых экспедиции вообще не состоялись бы.

Здесь прежде всего, в вводной главе, я считаю долгом дать в хронологическом порядке схему произведенных работ.

1. Работа 1919 года.

Еще зимою 1918—19 учебного года в среде саратовских археологов, членов коллегии Музейного подотдела возникла мысль организовать весною раскопки на Увекe, в виду предполагавшегося сооружения железно-дорожного моста через Волгу и возможного поэтому разрушения ряда памятников татарской культуры, более или менее уцелевших в недрах земли.

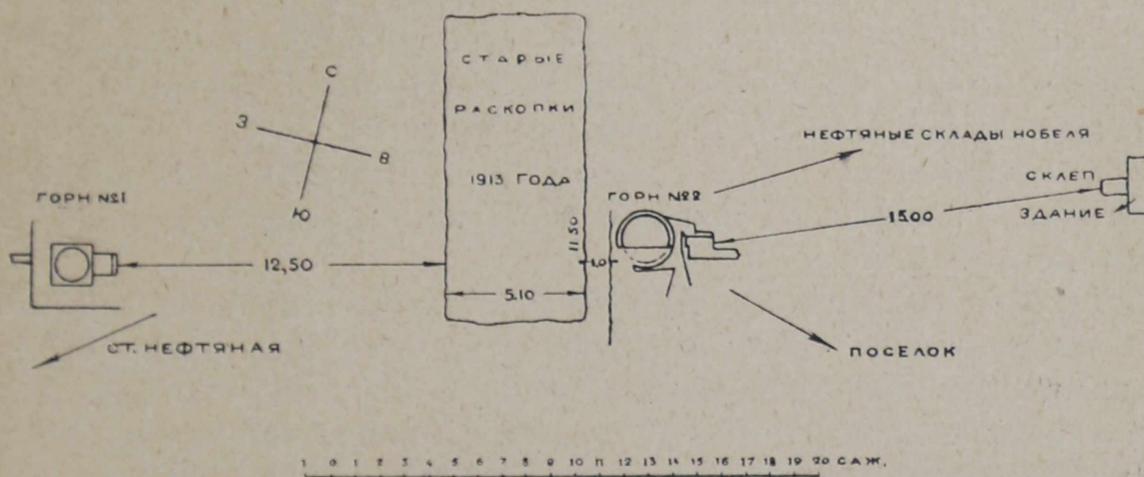

Рис. 1. Раскопки на Увекe в июне 1919 г. Генеральный план.

Кроме того, раскопки на Увекe, как первоочередные, казались необходимыми потому, что здесь сооружался один из фортов Саратовского укрепленного района и военно-инженерные работы грозили разрушить часть памятников. Было необходимо, пока еще возможно, изучить сохранившееся. Для раскопок в связи с упомянутыми обстоятельствами была намечена площадка вблизи склада Нобеля (см. рис. 1), отчетливо выявлявшаяся прямоугольные контуры и расположенная вблизи мавзолея, раскопанного в 1913 году.

Историко-филологический факультет Саратовского университета, всегда считавший, что одной из основных его задач является изучение местного края, горячо откликнулся на предложение коллегии Музейного подотдела взять на себя руководство раскопками на Увекe, и организация их была поручена мне, притом с тем, чтобы в работах возможно деятельно участвовали другие члены факультета и студенчество, а также местные деятели.

К 10 июня все предварительные шаги были завершены. Было получено разрешение Военного Совета Саратовского укрепленного

района на производство раскопок на Увек и на с'емку плана и фотографических снимков с раскапываемых сооружений, разрешение нач. пр. Техн. Отд. 5-го полевого строительства на безвозмездное пользование инструментами строительства (лопатами, кирками, ломками и топорами), разрешение Ряз.-Ур. железнодорожной администрации на льготное пользование вагоном утром на Увек, вечером—в Саратов, и пропуск от С. Г. Ч. К. на проезд 88 человек до Увека и обратно.

10 июня мы отправились на раскопки в количестве 50 человек; в дальнейшем цифра участников, состав которых—за исключением ядра в 20 человек—менялся, колебалась, в некоторые дни сокращаясь до 30, но чаще всего оставалась в пределах четвертого десятка. С 10 по 13 июня включительно работы производились без перерыва. 14 июня—из-за дождя—копать было нельзя. 16 июня работы возобновились и закончились 23 июня. 24 июня вновь был объявлен перерыв, и в этот день техник Музейного подотдела П. И. Иванов зарисовывал план с откопанных сооружений. 25 июня все закапывалось. В общем, таким образом, работы на Увек продолжались 12 дней и, если не считать участников экспедиции, лишь смотревших,—производились 33 студентами-рабочими.

10 июня было приступлено к изучению площадки, предназначенной для раскопок. Сразу обнаружилось, что стены здания были совершенно снесены,—быть-может, когда с Увека доставлялся кирпич для саратовских мостовых. А. Н. Минх в статье «Набережный Увек» (Саратовский Сборник, т. I, Саратов. 1881, стр. 214 и 224) рассказывает, что бывший владелец Увека Маурин ломал камень из древних фундаментов на продажу городу Саратову для мостовых, и, очень возможно, безжалостная рука Маурина коснулась и нашего холма.

Первый день не дал никаких существенных результатов.

На второй день решено было очистить всю площадь внутри предполагавшегося здания; выявить снаружи стены было нельзя из-за бахчи, окружавшей площадку с юга и севера. В северо-западном углу строения, куда прокладывалась траншея, на глинобитном полу среди щебня, глины и золы были найдены меловые плитки с орнаментом. На второй же день мне лично бросился в глаза круг, довольно больших размеров и достаточно отчетливо обрисовывавшийся на другой площадке, расположенной к западу от раскопок 1913 года (см. рис. 1). При обследовании мы наткнулись на ряд кирпичей, как бы образовавших диаметр этого круга, и на жернов ручной мельницы.

Раскопки решено было продолжать, что и происходило на третий и последующие дни, на третий под наблюдением профессора С. Н. Чернова, потом, до конца, под моим руководством. Одновременно, при обследовании прямоугольного выступа вне здания (к западу от него), Б. В. Зайковский обнаружил площадку из щебня (битого кирпича)

и под нею прямоугольник из кирпича, т.-е. явные следы надсклепного украшения татарского погребения. Во вторую половину 2-го дня, и в 3-ий день действительно было вскрыто татарское погребение (№ 1), при чем раскопки его производились под моим и Б. В. Зайковского наблюдением.

На четвертый день приехал в качестве представителя Рязано-Уральской железной дороги и Саратовской Архивной Комиссии П. Н. Шишкин, инструктор музейного дела Р.-Ур. ж. д. и хранитель Музея Комиссии, и работы были распределены и велись до конца раскопок следующим образом: сперва Б. В. Зайковскому, потом П. Н. Шишкину, которому помогал проф. С. Н. Чернов, было поручено обследование здания; далее Б. В. Зайковскому было поручено обследовать «холм Уейского», где—в моем и П. Н. Шишкина присутствии—было вскрыто погребение № 3, потом им же (Б. В. Зайковским) обследовались развалины рядом с Мамаевым бугром; я лично (помимо общего руководства) взял на себя продолжение раскопок обнаружившегося кирпичного круга к западу от раскопок 1913 года (горн № 1) и руководство вскрытием горна № 2, обнаруженного студентами Квитковским и Поляковым к востоку от раскопок 1913 года.

Наконец, вне здания (на четырехугольной площадке), к западу от него и рядом с погребением № 1, П. Н. Шишкиным к концу второй недели было вскрыто еще татарское погребение, № 2.

2. Работы 1920 года.

На лето 1920 года была намечена экспедиция в районы Ураковой горы, устья Еруслана и слободы Красного Яра, частью потому, что Саратовский Губотнароб и Камышинский Уотнароб сочувствовали поездкам именно в эти районы: было необходимо наладить планомерное собирание агентами местных музеев памятников древних культур, в изобилии находимых крестьянами. Кроме того, Царицынские Губотнароб и Губисполком, озабоченные изучением своей губернии, звали меня в Царицын для изучения следов татарщины в Царицынском уезде. В результате я предложил вниманию историко-филологического факультета Саратовского университета проект трех экспедиций, организуемых при участии студентов отделения истории искусств и археологии факультета: а) в район Ураковой горы с разведочными раскопками на городище Терновке, б) в районы слобод Даниловки и Красного Яра с разведкой на бугре Степана Разина и Дурман-горе, в) в район Царицына с раскопками на Мечетном городище близ села Рынок. Хотелось также закончить начатое в прошлом году обследование ближайших окрестностей города Саратова, и для этой цели были желательны разведки в Квасниковке и Усть-Курдюме. Историко-филологический факультет, заслушав в заседании 5 марта с. г. подробную мотивировку

этих экспедиций, нашел, что проект целесообразен, и поручил организацию экспедиций мне. В апреле была открыта запись для студентов, желающих участвовать в раскопках. Одновременно был командирован в Рынок и Терновку (т.-е. в Царицынский и Камышинский уезды) для предварительной разведки научный сотрудник Ф. Е. Арьков, весьма удачно исполнивший возложенное на него поручение.

На поездку через Камышин в Терновку, где решено было иметь «штаб-квартиру» первой экспедиции, записалось 22 человека (поехало 17), на поездку в Даниловку 10 человек (поехало 8), на поездку в Царицын 23 человека (поехало 16). В Царицыне Губернским отделом распределения рабочей силы, согласно предложения Губисполкома, в распоряжение экспедиции предоставлялись поденные рабочие, в течение всего времени раскопок от 10 до 15 человек ежедневно. Перед отъездом из Саратова, а именно 17 мая, было устроено общее собрание участников экспедиции, на котором Ф. Е. Арьков докладывал о своей поездке, а я и ассистент Б. В. Зайковский сообщали необходимые сведения о предполагаемых к обследованию местностях и их исторических судьбах. Еще ранее, в весеннем полугодии, мною были устроены практические занятия по археологии, долженствующие дать студентам необходимую для работы подготовку.

В Терновскую экспедицию мы выехали 28 мая, в Камышин приехали 29 мая утром и 29 же часть участников пешком, часть на предоставленных нам подводах, отправились в Терновку, где на все время раскопок нашли приют в местной сельской школе. Первый день нашего пребывания в Терновке всецело был посвящен предварительному беглому обследованию ближайших окрестностей села Терновки: не только городища, расположенного в 4 вер. от села, но и оврагов рядом, берега Волги, селища при устье реки Терновки, а также ближайших курганов между Терновкой и Липовкой. Окаменелый зуб мамонта на дне оврага рядом с городищем, сильно истлевшие кости в глине, под слоем гравия и песка, в обрыве того же оврага, архаические и татарские черепки на городище и большое количество татарских черепков около устья Терновки на ее левом высоком берегу, каменное орудие (?) из кварцита весьма грубой работы, напоминающее своею формою скребок, найденное на валу городища,— вот результаты археологических прогулок членов экспедиции, совершивших свое обследование местности группами по 3—4 человека. Со второго дня под моим личным наблюдением начались раскопки городища и закончились 5 июня, когда техником Лимаренко был снят план городища. 6 июня часть членов экспедиции, вместо воскресного отдыха, совершила экскурсию на Уракову гору, в 12 верстах от Терновки. С 7 июня по 10 включительно раскапывались два кургана на сырту между Терновкой и Липовкой, а 9 и 10 частью экспедиции производилось обследование окрестных дюн. 11 июня производились разведочные раскопки на селище около устья Терновки,

12—разведки на «бугре мертвецов» (могильнике селища). 12 же и 13 было предпринято продолжение обхода дюн (частью повторное), при чем были открыты богатейшая стоянка в «Вишневой долине» и близ Липовки, и татарское селище на правом берегу устья Терновки. 14 июня экспедиция мимо дюн и курганов Камышинского сырта через Камышин возвратилась в Саратов.

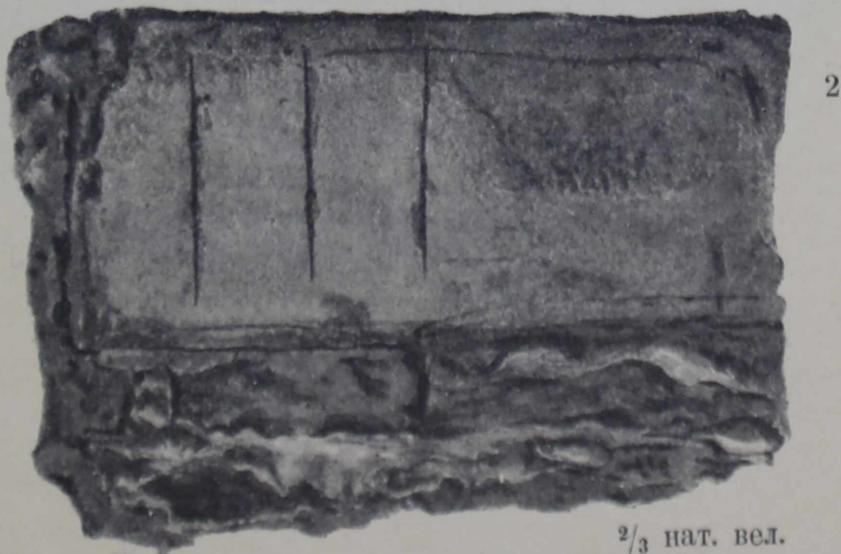
В Даниловку экспедиция выехала 27 июня, на пароходе до Щербаковки, а оттуда, осмотревши Столбичи и окрестные берега Волги, на подводах в слободу Даниловку, где в распоряжение экспедиции была предоставлена школа и где всякое содействие оказывала семья местных крестьян Васильченковых. 29 и 30 июня производились разведочные раскопки на городище, в 2 верстах от Даниловки, на так называемом «бугре Степана Разина». 1 июля под проливным дождем часть экспедиции отправилась в Кресты в 8 верстах от Даниловки для зарисовки и обмера «Крестового мара»; в роще близ мара были открыты дюнные стоянки. 2 июля экспедиция переправилась через Волгу в Красный Яр и обследовала окрестные дюны. 3 июля была открыта богатая стоянка на Дурман-горе, архаическое селище по пути из Даниловки на бугор Степана Разина, и было собрано несколько каменных орудий, типичных для Даниловского района. 4 июля экспедиция возвратилась в Саратов.

В Царицын экспедиция выехала 16 августа, 19 прибыла в Рынок, где поселилась в школе, и немедленно, в тот же день, приступила к обследованию некрополя Мечетного городища в 3 верстах от Рынка. Последовательно были вскрыты 3 кургана и откопана турба; был снят также общий план некрополя. 31 августа, по окончании работ на некрополе, было приступлено к разведке на месте древнего города, где были откопаны два дома и обследовано место предполагаемой мечети. 3 сентября зарисовывался план города и производились обмер и изучение откопанных сооружений. 4 сентября, после доклада Царицынскому Губотнаробу, экспедиция выехала в Саратов. В течение всех трех поездок экспедиция тщательно собирала сведения об открытых археологических памятниках; результатом этой работы является приложенный археологический профиль.

За все время своей работы экспедиция встречала в высшей степени сочувственное отношение как со стороны населения, так и со стороны властей. Повсюду на зов экспедиции откликались, и особенно трогательно было отношение населения села Рынок, которое сочувственно отозвалось на горе «голодающих горожан», когда в конце пребывания в Рынке, в виду хлебного кризиса в Царицыне, экспедиция не получала причитающегося ей пайка. Хотя из-за отсутствия хлеба экспедиция и должна была, в конце концов, прекратить работу, все же последние дни она могла оставаться в Рынке и заканчивать разведку на территории древнего татарского города только благо-

$\frac{1}{2}$ нат. вел.

$\frac{2}{3}$ нат. вел.

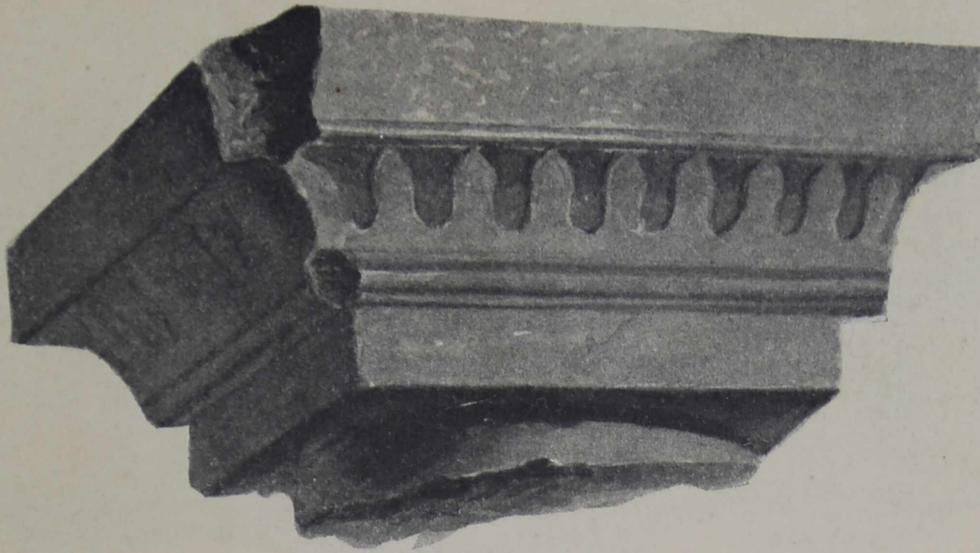

1

2

1

2 a

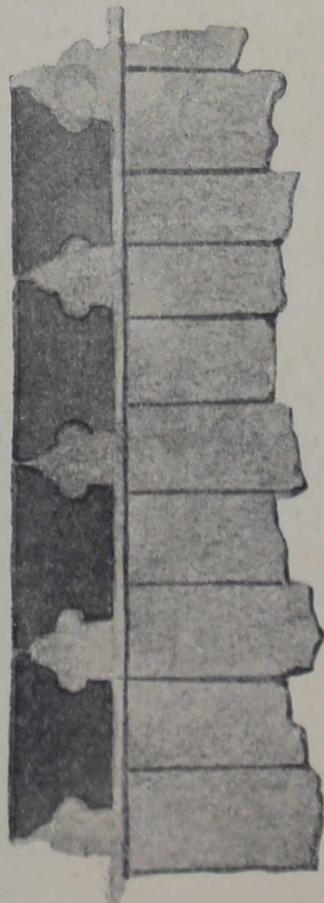
2 б

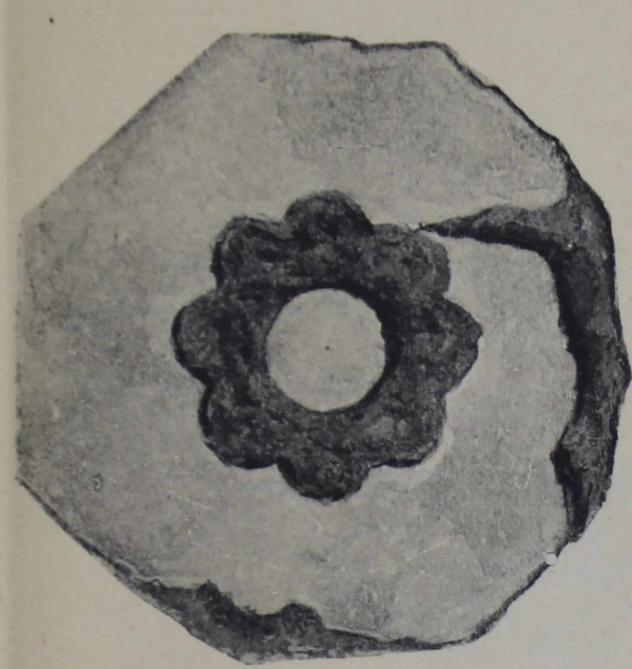

3 a

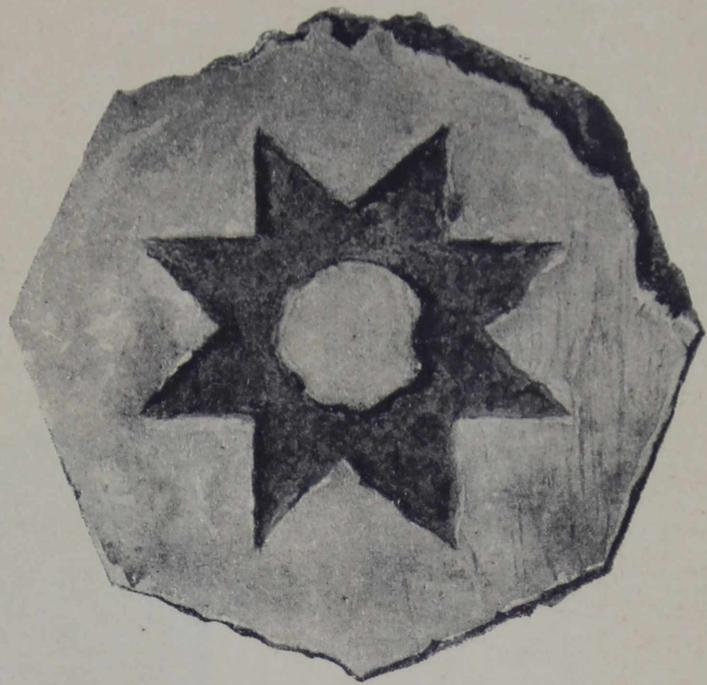

3 б

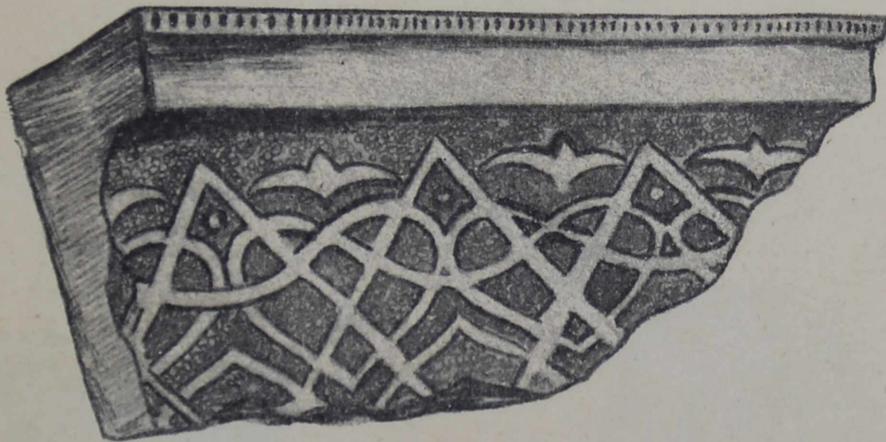

1

2

3

4

8180
12
D